

ОТКРЫТЫЙ ДОМ

В

АК СЛАВНО было критику в прежние времена! — восклицал в одной из своих колонок М. Мугинштейн. На сцене — Шаляпин. В газете — статья Стасова «Радость безмерная!». А между тем Федор Иванович называл критику «старой Хавроньей». Имел основания. Не будем приукрашать. Вспомним знаменитый эпизод с коленопреклонением, в котором критики сыграли не последнюю роль.

Поутру накануне Рождества (действие происходило в 1911 году) Шаляпин поехал в Царское село получать от государя звание «Солиста Его Величества». А вечером Николай обещал быть в Марининском на «Борисе Годунове». Хористы не преминули воспользоваться моментом: сочинили петицию на высочайшее имя о прибавке к пенсии и, не поставив в курс дела ни Шаляпина, ни управляющего дирекцией В. А. Теляковского, посреди спектакля бухнулись на колени и, обратив взоры к царской ложе, запели «Боже, царя храни». Что было делать Федору Ивановичу? Демонстративно уйти? Бросить хористов? Так и не поняв, в чем дело, Шаляпин преклонил колени. На следующий день началась беспрецедентная газетная травля. Федор Иванович подавался как инициатор верноподданнической манифестации. Клеймо монархиста и холопа, казалось, приклеили намертво.

Рождество и Шаляпина

Как все это похоже на наши нравы! Развечать, забыть старые заслуги — тут нам нет равных. Опять же традиционный генетический стыд за государственный гимн. То стыдно слушать «Боже, царя храни», то «Союз нерушимый». И вот что интересно. Тогда, в 1911-м, Максим Горький хотел вступить за артиста. Он написал свое открытое письмо, в котором призывал любить (разрядка моя. — Е. Д.) таких людей, как Шаляпин и «ценить их высокою ценою, эти люди стоят дороже тех, кто вчера играл роль фанатика, а ныне стал нигилистом». Но письмо Горького не было напечатано, мысли, высказанные писателем, показались несвоевременными.

«Говорят, что больше не будет такого артиста, как Шаляпин... Может быть, и родится. Но будет ли та среда, которая поможет любви и вниманию создателя творчества?» — размышлял друг Шаляпина, художник Константин Коровин. Для появления талантов нужны воздух, среда. Та самая, что создана была Саввой Мамонтовым в Абрамцеве, в доме на Садовой-Спасской, где не было «отцов» и «детей», где славянофил мирно уживался с западником. Мамонтов считал, что ему повезло на «на диво хороших людей». «Мамонтовский дом» назвала себя ассоциация, объединяющая потомков мецената, живущих в России и за границей. Она обещает финансировать программы по возрождению искусства, народных промыслов, уже вручены первые премии имени Мамонтова. В самом названии ассоциации есть большой смысл. Многие

мамонтовские затеи родились из домашних застолий у кипящего самовара, детских праздников с живыми картинами. А уж потом из живых картин вырастали шедевры — Вера Мамонтова, участница этих картин, становилась, «девочкой с персиками». И персики, между прочим, были не привозные, заморские, их выращивали в абрамцевской оранжерее.

Шаляпин тоже родом из мамонтовской «оранжереи». И его дом на Новинском бульваре, где после революции репетировала «шаляпинская студия», с благодарностью вспоминали Михаил Астангов и Осип Абдулов, Ольга Андровская и Рубен Симонов. Когда-то на Рождество дети знаменитого артиста звали к себе в гости соседей, детей друзей и знакомых, вместе с отцом и матерью ставили спектакли, танцевали вокруг елки в Белом зале. «Рождественская елка у Федора Ивановича» — называлось удивительное действо, поставленное режиссером и актером Игорем Ясуловичем во флигеле Дома-музея Шаляпина во время зимних каникул.

Театр начинался с вешалки, где царил обаятельный, радушный Анаит Оганесян. (Она ответственный секретарь Ассоциации театральных художников, и ей же принадлежит идея выставки-спектакля). Улыбка Анаит была многообещающей: то ли еще будет, — говорила она.

Шаляпинский флигель стал дореволюционной детской, можно было поиграть прабабушкиными игрушками — куклами, фарфоровой посудой. Самые младшие совершали обезд по комнатам на плюшевом голубом слоне и воровном деревянном коне. Все эти рукотворные чудеса сделали московские художники М. Рыбасова, М. Фофанова и С. Горянский. Дети постарше вырезали и клеили елочные игрушки вместе с Хозяином и Хозяйкой елки Игорем и Натальей Ясулович. Прелесть «Пастушки и трубочиста», поставленных Ясуловичем и сыгранных им и детьми, в том, что это был настоящий домашний любительский спектакль.

Елка у Шаляпина возвращала детям и их родителям необходимые атрибуты подлинного Рождества — таинства, казалось, утраченные. Умный, сердечный талант и золотые руки устроителей сумели сделать жизнь такой, какой она и должна быть, и в особенности для детей — благородной, возвышенной, светлой.

Эта елка — вторая по счету. Первая была в Доме у М. Н. Ермоловой и прошла почти незамеченной. Нынешняя снята телевидением, воспета критиками. Оно и понятно. В момент общего уныния, одичания находятся шестеро людей и берутся сделать и делают счастливыми двести ребят и столько же взрослых. И, между прочим, сами получают от этого удовольствие. Каков же вывод? Да все тот же. «Для любви одной природа нас на свет произвела!». В том числе и критиков.

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ.